

Наблюдая за первым уроком зелий в понедельник утром - первокурсниками Гриффиндора и Слизерина - Альбус не знал, радоваться ли честности и заботе профессора Умино о своих учениках или огорчаться правде в его докладе. Когда он увидел, как сын Люциуса Малфоя готовится бросить печень жабы в котел Гарри Поттера, он решил возмутиться тем, что Северус поощряет такое поведение среди своих Слизеринцев. Небрежным взмахом палочки он остановил оскорбительный орган в воздухе, и Альбус наблюдал, как шок прошел по лицам ученика и учителя, прежде чем снять Маскировку невидимости и выйти на сцену.

"Пятьдесят баллов со Слизерина за создание опасности для товарищей, мистер Малфой", - сказал он без обычной теплоты, - "и недельное отстранение от занятий с мистером Филчем". Мальчик вскинул голову от неожиданных слов Альбуса, и теперь он смотрел на директора с шоком, оттененным опасением и легким трепетом. Встретив взгляд юного Слизерина, Альбус спросил: "И откуда у тебя идея такой опасной выходки?". Этот вопрос в сочетании с мягким прощупыванием Легилименции показал ему вспышку предыдущего занятия, на котором Северус "случайно" прокомментировал тот факт, что добавление крысиной печени на этой стадии приготовления сегодняшнего зелья приведет к тому, что оно бурно закипит, испортит всю партию и, возможно, ошпарит пивовара.

"Занятие окончено". Три ледяных слова, прозвучавшие из уст обычно веселого директора, заставили учеников быстро собрать свои вещи и покинуть кабинет, у некоторых хватило ума сначала погасить пламя под своими котлами. Альбус одним взмахом палочки расправился с остальными горелками и подождал, пока в комнате не останется детей.

Он ненавидел, когда дети видели его таким. Альбус Дамблдор носил много лиц: Добродушный дедушка, мудрый профессор, старший государственный деятель - все это было предпочтительнее, чем лицо опытного воина Света, единственного человека, которого Том Риддл когда-либо открыто боялся. Ему было до боли обидно, что несколько первокурсников теперь явно разделяли хотя бы часть этого страха. Если Том мог наслаждаться чужим страхом, то Альбус ненавидел его; страх разделял людей, порождая ненависть и насилие вместо понимания, и приводил к смерти, разрушению и боли. Он на собственном опыте убедился в том, какой ужасный вред может нанести страх, и с тех пор старался способствовать пониманию и прощению, чтобы не дать страху овладеть людьми. То, что действия Северуса привели к распространению страха, вместо того чтобы бороться с ним, было еще одним грехом, который можно было положить к ногам этого человека.

Как только за последним из уходящих первокурсников закрылась дверь, Альбус направился к печени жабы, все еще подвешенной в воздухе. По пути он наложил на дверь класса несколько запирающих и защитных чар. Северус, явно поняв намерения своего работодателя, обогнул свой стол и вышел вперед, чтобы встретить его перед парящим ингредиентом.

"Прежде чем вы начнете жаловаться на мою суровость к мистеру Малфоя, возможно, вам стоит присмотреться к тому, что именно он решил бросить в зелье своего одноклассника". Тон Альбуса был легким, почти непринужденным, и только тот, кто привык читать его настроение, смог бы уловить скрытый намек на сталь. Привычный хмурый взгляд Северуса углубился при этих словах Альбуса, но он сделал то, что ему было велено, прежде чем его и без того бледный цвет лица побледнел еще больше. "Действительно. Похоже, что, обучая юного Драко, вы забыли указать, что использование печени ядовитого существа, такого как жаба, помимо указанных вами эффектов, вызовет облако токсичных паров, которые могут стать причиной

постоянной стерильности у тех, кто их вдыхает". Это тоже было сказано тем же безразличным тоном, который можно было услышать от директора на обычном собрании персонала. Он знал, что Северуса не обманешь; профессор зелий был напряжен, как свернутая пружина, ясно осознавая гнев Альбуса и ожидая его выражения.

"За последние десять лет, с тех пор как вы вернулись в Хогвартс, чтобы возглавить свой старый Дом, - продолжал Дамблдор, сохраняя спокойствие благодаря огромному усилию воли, - Минерва, Филиус и Помона приносили мне отчеты о возмутительном поведении их нового коллеги. Зная склонность детей приукрашивать и преувеличивать свои рассказы, особенно в сочетании с оживленной мельницей слухов Хогвартса, я заверил их, что слухи и сказки - это то, что до них дошло. В конце концов, вы сами подтвердили это, когда я спросил вас, и я понял, что вы ищете искупления за вашу... юношескую неосмотрительность. Я был полностью уверен, что вы подниметесь над тьмой своего прошлого и станете образцовым преподавателем, делясь своими знаниями и страстью к Зельям с новым поколением студентов. Учитывая ваш опыт, как дома, так и здесь, в Хогвартсе, я был уверен, что вы будете последним учителем, который будет терпеть издевательства или оскорбления среди учеников".

"Тем не менее, в пятницу вечером два сотрудника пришли поговорить со мной. Похоже, что один из них сумел поступить аналогично мне и наблюдал за вашими занятиями в тот день без вашего ведома. Их отчет о вашем поведении был настолько ужасен, настолько возмутителен, что я был вынужден поверить, что это всего лишь раздутые слухи... пока не стал свидетелем их воспоминаний. Даже наблюдая за воспоминаниями взрослого человека, я все еще не мог быть уверен; я все еще хотел верить, что все это было просто недоразумением, что человек, которого я так яростно защищал последние десять лет, не предал бы так жестоко мое доверие. Таким образом, мы пришли к моему сегодняшнему присутствию здесь, - сказал директор, его голос начал повышаться, - где я обнаружил, что наблюдения вашего коллеги были не только точными, вы не только издевались и оскорбляли многих своих учеников, но и фактически поощряли такое поведение со стороны учеников Слизерина".

К его чести, Северус, по крайней мере, не предпринял тщетной попытки отрицать обвинения Альбуса, ясно понимая, что попался. Он не мог отрицать; не мог он и защищаться, так как его действия были неоправданны. Поэтому единственным вариантом, остававшимся у непокорного человека, было либо подчиниться, либо напасть. Неудивительно, что он выбрал последнее.

"Я могу только предположить, что Минерва взяла на себя инициативу в этой жалобе, как она часто делает. Кто же тогда был вторым? Флитвик, который, как я вижу, обладает достаточными навыками, чтобы проникнуть в мой класс незамеченным, хотя именно Спраут, похоже, всегда чувствует необходимость опекать своих драгоценных маленьких барсуков. Мерлин упаси кого-нибудь применить хоть немного дисциплины к этим маленьким тупицам. В любом случае, это не их дело, как я провожу свои уроки, если только мы вдруг не будем критиковать работы друг друга? Вы не хуже меня знаете, что твердая рука необходима, чтобы держать сопляков в узде и проявлять должное уважение..."

"Ваше определение "в строю", похоже, нуждается в корректировке, - прервал Альбус, - судя по печени этой жабы. Скажи мне, как, по-твоему, отреагировала бы Августа Лонгботтом, если бы твой крестник сделал ее внука бесплодным и навсегда прервал род Лонгботтомов? Может, у Люциуса и железный язык, и некоторые навыки в Темных искусствах, но Августа - грозная ведьма, и она жаждала бы крови. Если добавить сюда причинение аналогичного ущерба

последнему наследнику рода Поттеров, национальному герою, и я подозреваю, что и вам, и Люциусу повезло бы избежать смерти; даже молодой Драко может обнаружить, что его телохранителей заменили Дементоры!"

"Поттер, - с ненавистной усмешкой произнес Северус, - все всегда возвращается к драгоценному, идеальному Поттеру. Как и его отец, он расхаживает по замку, ожидая, что мы все склонимся перед его величием. Все остальные так отчаянно пытаются обожествлять этого высокомерного сопляка; ну а я лучше позабочусь о том, чтобы у маленького героя не пухла голова".

Директор нахмурился еще больше. "Я не знаю, за каким учеником ты наблюдал, Северус, но по моим наблюдениям, в Гарри очень мало Джеймса. Я видел гораздо больше Лили - вы ведь помните женщину, которую вы признавались в любви, и на чьей могиле вы поклялись защищать ее сына? - и изредка мелькают Флемонт или Эуфемия. Нет, если кто-то из детей в этом классе ведет себя так, что напоминает вашего заклятого врага на школьном дворе, это не Гарри Поттер". При этом он повернулся к плавающей печени. "Самый близкий аналог юного Джеймса Поттера находится, я бы сказал, в доме змей. Я припоминаю отчет Горация в 1971 году о том, что пара гриффиндорских первокурсников была задержана за попытку подбросить крысиные печени в зелья определенного однокурсника из Слизерина. Судя по вашему лицу, вы тоже помните этот инцидент".

Было ясно, что мастер зелий все еще занят плаванием по египетской реке; требовался более решительный подход. "Вместо того, чтобы преодолеть испытания своей юности, похоже, что вы приняли их, позволив своей ненависти разгореться и превратить вас в хулигана. Хуже того, вы взрослый человек, издевающийся над детьми". Альбус напрягся, ненавидя рану, которую, как он знал, нанесут его следующие слова, но чувствуя, что в данный момент это единственная надежда заставить его образумиться. "Прямо как твой отец".

Лицо Северуса стало белым как мел, а затем покраснело так, как Альбус еще никогда не видел. Его голос прозвучал как опасное шипение. "Как ты смеешь..."

<http://tl.rulate.ru/book/73572/2097246>